

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

М. Г. Рабинович

«ДОМИК В КОЛОМНЕ» — КАРТИНКИ ИЗ ЖИЗНИ СТАРОГО РУССКОГО ГОРОДА (Поэма А. С. Пушкина как исторический источник)

Постоянный интерес А. С. Пушкина к истории, значение его исторических работ общеизвестны¹. Но множество открытий ожидает еще тех, кто обратится к его произведениям, непосредственно как к историческому источнику.

Внимание поэта к окружающей действительности, его острый глаз, его неизменное глубокое человеколюбие обусловили, в частности, огромную ценность созданных им картин современности для тех, кто занимается изучением конкретной бытовой обстановки такого не столь далекого от нас, но все же ушедшего уже в прошлое и не поддающегося непосредственному наблюдению периода русской истории, как начало XIX в., особенно для этнографов, даже тогда, когда эта конкретная бытовая обстановка является не самостоятельной темой, а лишь фоном повествования².

С этой точки зрения особый интерес представляет поэма А. С. Пушкина «Домик в Коломне», действие которой разворачивается на фоне старого Петербурга первой четверти XIX в. Задуманная автором как ответ реакционным критикам, требовавшим от поэта официозной тематики, нравоучений в «охранительном» духе и пр.³, поэма содержит одновременно яркую картину жизни русского города, что особенно ценно для историка и этнографа.

Пушкин неоднократно подчеркивает, что наблюдения его непосредственны, что в поэме описан конкретный район Петербурга (это указано в самом заглавии)⁴, что этот район хорошо знаком автору.

«Я живу теперь не там»⁵, — пишет он, давая ясно понять, что прежде жил как раз там, где поселил теперь героев своей поэмы,

...У Покрова

стояла их смиренная лачужка

За самой будкой. Вижу, как теперь

Светелку, три окна, крыльцо и дверь⁶.

¹ Лучшие исследования по этому вопросу принадлежат И. Л. Фейнбергу. См. *Фейнберг И. Л. Незавершенные работы Пушкина*. 7-е изд. М., 1979.

² См., например, *Лотман Ю. М.* Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Изд. II. Л., 1983. С. 99 и др.; *Рабинович М. Г.* Город и поэт//Сов. этнография. 1985. № 1.

³ См. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 4. М.—Л., 1949 (далее — *Домик в Коломне*). С. 539.

⁴ Мнение В. И. Даля, что само название «Коломна» означает «околоток», «околица», если угодно — «предместье», не представляется убедительным, поскольку приведенный им пример города Коломны — околицы Москвы (*Даль В. И.* Толковый словарь... Т. II. С. 139) этому значению не отвечает: Коломна — самостоятельный город, притом не близкий к Москве (примерно в 115 км).

⁵ *Домик в Коломне*, строфа XX. С. 329.

⁶ Там же, строфа IX, с. 325.

Пушкин определяет точно и время, к которому относится сюжет поэмы, — «тому лет восемь» (т. е. 8 лет назад).

«Домик в Коломне» написан в 1830 г., и речь идет, стало быть, о начале 1820-х или даже о конце 1810-х гг. В 1817—1820 гг. Пушкины жили как раз в Коломне — на набережной Фонтанки в доме Клокачева у Калинкина моста (ныне Фонтанка, д. № 185)⁷ на расстоянии всего одного квартала от Покровской (ныне Тургеневской) площади. Площадь называлась Покровской по церкви Покрова, построенной там в 1812 г. по проекту знаменитого архитектора И. Е. Старова⁸ (из его построек достаточно назвать Таврический дворец). Собор снесен, и на месте его разбит сквер, но местные старожилы еще помнят и довольно точно указывают место, где стоял собор. Выражение «у Покрова» надо понимать так, что домик вдовы находился в приходе собора. Где в точности была упомянутая тут же полицейская будка, нам установить не удалось, но ясно, что домик располагался, по мысли автора, буквально в нескольких шагах от квартиры, где в юности жил он сам. Вероятно, А. С. Пушкин видел тогда даже не один такой домик и, уж конечно, не раз присутствовал на воскресном богослужении в церкви Покрова, которое и описал в XX—XXIV строфах поэмы.

Вдова и ее дочь были, как видно, в числе почитаемых прихожан церкви Покрова: во время церковной службы они становились, не смешиваясь с основной массой молящихся, «перед толпою» у самого крылоса с левой стороны (как полагалось стоять в ту пору женщинам: справа стояли мужчины)⁹.

Пушкин неоднократно говорит о скромном социальном положении героинь своей поэмы: вдову он называет бедной старушкой, дом их — смиренной лачужкой; подчеркнута и простота питания, основой которого была гречневая каша¹⁰. Думается все же, что эту бедность Параши и ее матери нужно понимать лишь в плане сравнительном: они были бедны по отношению к той социальной группе, к которой принадлежал автор, т. е. к дворянству. Это были рядовые, но отнюдь не самые бедные горожане. Мещанская принадлежность их выявляется и в том еще, что двоюродная сестра Параши была замужем за придворным лакеем — «гоф-фурьером»¹¹, и автор пишет даже несколько иронически, что Параша не думала ни о балах, ни о Париже, ни о дворе.

Однако уже самый сюжет поэмы говорит об откосительной зажиточности ее героинь: они не готовили сами, но держали кухарку; без кухарки вдова не считала возможным прожить больше двух-трех дней. Зажиточность выявляется и по многим косвенным признакам: в доме ничего не сдается, в нем нет постояльцев (иначе возлюбленный не вынужден был бы появиться в роли кухарки). Параша умеет делать все домашние работы и даже «шить и плести», но, по-видимому, не должна зарабатывать, например, тем же шитьем или плетением. Шьет при необходимости та же кухарка¹², которая вообще должна «ходить» за хозяйками, т. е. не только готовить, а исполнять и другие обязанности прислуги — это оговорено при найме.

Более того, Параша обучена грамоте: она читает модные книги, исполняет модные романсы (на слова И. И. Дмитриева и Ю. А. Нелединского-Мелецкого, старших современников А. С. Пушкина). Вдова и Параша одеваются скромно, но архаика в их костюме отсутствует: старушка носит чепец и очки, Параша — роговой гребень и косынку, завязанную по моде «крест-накрест»; не упомянуты ни сарафан, ни повойник, ни девичий венчик, ни ленты, ни какие-либо другие элементы тра-

⁷ Литературные памятники Ленинграда. Л., 1976. С. 133.

⁸ Петербург. Художественно-исторический очерк художественного богатства столицы/Сост. Курбатов В. Б. м., 1913. С. 538.

⁹ Рабинович М. Г. Очерки этнографии русского феодального города. М., 1978. С. 142.

¹⁰ Домик в Коломне, строфы IX, XVI. С. 325, 327.

¹¹ Там же, строфа XXVI. С. 330.

¹² «Шить сядет — не умеет взять иголку». — Домик в Коломне, строфа XXXII. С. 332.

Рис. 1. Старинные дома на улицах современных городов: а — Калинин (Тверь); б — Меленки

диционного костюма городских женщин и девушек, в то пору еще довольно широко распространенные среди городских низов.

Словом, хоть нам не известны в точности источники их существования, можно сказать, что вдова и Параша принадлежали к довольно зажиточному мещанству. Так их характеризует поэт, хоть и называет бедными. Характеристика эта объективная, она вытекает из выше приведенных фактов, которые поэт видит как бы «боковым зрением», не выискивая их специально и не замечая как будто бы, что они не совсем совпадают с высказываемым им впрямую мнением.

Интересно, что это обстоятельство, по-видимому, заметил другой великий художник, младший современник А. С. Пушкина — Н. В. Гоголь, который в молодости тоже жил в Коломне, и, как видно, захотел уточнить имущественное положение пушкинских героев. «Жизнь в Коломне страх как уединенна...» написал он в своей повести „Портрет“. — Вдовы, получающие пенсион, тут самые аристократические фамилии: они ведут себя хорошо, метут часто свою комнату, толкуют с приятельницами о дороговизне говядины или капусты; при них часто бывает молоденькая дочь — молчаливое, безгласное, иногда миловидное

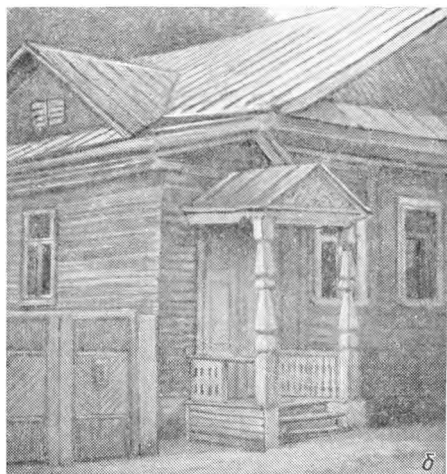
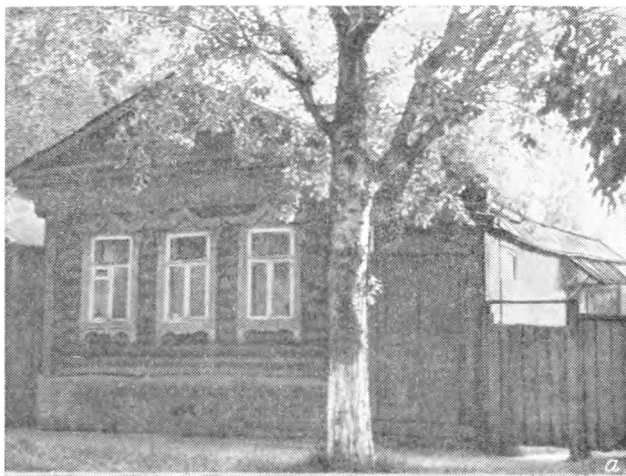

Рис. 2. Старинные дома на улицах современных городов: а — Муром; б — Устюжна (крыльцо)

существо, гадкая собачонка и часы с печально постукивающим маятником¹³. Правда, гоголевские вдовы-пенсионерки, кажется, несколько беднее пушкинской вдовы, а дочери — смиреннее Параше. Из повествования неясно, владели ли эти семьи собственным домом, а прислуги, очевидно не держали. Но образ все же навеян «Домиком в Коломне».

Поэма А. С. Пушкина вышла в 1833 г., а повесть Н. В. Гоголя — в 1835. Видимо, Гоголь писал под свежим впечатлением пушкинской поэмы, воспринимая ее образы как достоверные, хорошо знакомые. Существовали ли вдова с Парашей на пенсию или на какой-то капитал (возможно, на то и другое) — они жили скромно, но не нуждаясь, имея собственный кров над головой и некоторые средства.

Что же представляла собой их «смирненная лачужка», в которой развернулись события столь занимательные?

Приведенное нами описание А. С. Пушкина — «светелка, три окна, крыльцо и дверь» — единственное в поэме. Автор как бы лишь окинул взглядом знакомый ему дом. Но взгляд его зафиксировал чрезвычайно тонко и четко те черты, которые характеризуют тип дома: это одноэтажный мещанский дом, выходящий торцом на улицу. Двускатная крыша образует фронто́н со светелкой; ниже по фасаду — три окна, которые на ночь закрываются ставнями, рядом — крыльцо, ведущее к

¹³ Гоголь Н. В. Портрет//Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. М., 1949. С. 106.

входной двери («парадной», как говорили позже). Таких домов во времена Пушкина было много. Во многих городах они сохранились и теперь (рис. 1, 2). Снаружи еще можно видеть, что дверь с улицы когда-то вела в сени, вытянутые вдоль длинной стены дома перпендикулярно улице. Сени зачастую построены из более легкого материала, чем сам дом (например, тесовые у срубного дома, бревенчатые у каменного и т. п.); они обычно под отдельной кровлей, тянущейся вдоль свеса крыши дома, но имеющей меньший наклон. Такие дома, построенные в прошлом веке, нам удалось зафиксировать в последние годы как в малых и средних, так даже и в крупных городах на всей территории, называвшейся прежде Европейской Россией — от Устюжны Вологодской области на севере до Ростова-на-Дону на юге, до Уфы на востоке¹⁴. Вероятно, ареал их еще значительно шире; для установления его точных границ нужны дальнейшие исследования.

Сейчас старые дома этого типа значительно перестроены, и функции их помещений изменены настолько, что проследить первоначальную внутреннюю планировку не представляется возможным.

Но сохранились, к счастью, описания городских домов, сделанные в середине XIX в. корреспондентами Русского географического общества, отвечавшими на разосланную обществом «Программу для собрания местных этнографических сведений»¹⁵.

Вот что писал в 1848 г. корреспондент общества из города Кашина тогдашней Тверской губернии (ныне Калининской обл.): «В передней половине пятистенных флигелей (имеется в виду сруб — пятистенник, стоящий передним торцом к улице. — М. Р.) лицевые комнаты — зал и спальня, — разделенные тесовой перегородкой. В задней половине — кухня, кладовая и около крыльца, устроенного с одной стороны дома, — сени, из коих вход в зал, кухню, кладовую и верх дома. Из кухни во многих домах делается вход в спальню или зал»¹⁶.

Это — довольно скромный домик, одноэтажный, с двумя только «чистыми» жилыми комнатами, меньшая из которых («спальня») имела по фасаду, вероятно, всего одно окно, а большая («зал») — два окна; светелка освещала чердак, на который из сеней вела лестница. Но по сравнению с другим традиционным типом жилища — избой, распространенным еще тогда в городах (если даже дом включал, как часто бывало, две избы, соединенные сенями), такой пятистенник имел то удобство, что кухня была отдельной и в «лицевых», «чистых» комнатах не готовили, и это создавало лучшие гигиенические условия. «Лицевые» комнаты были, что называется, специализированы, и по крайней мере одна из них — зал — была парадной (как указывает само название), служила для приема гостей. Функции комнат, конечно, менялись в зависимости

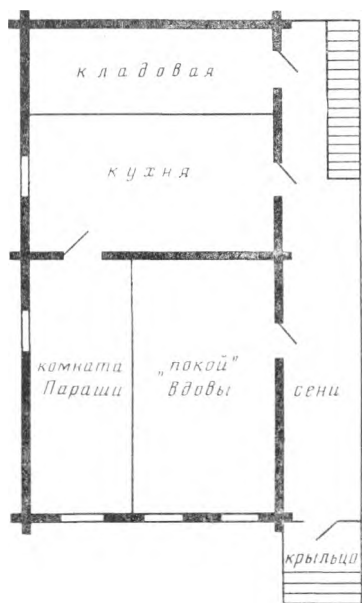

Рис. 3. Предполагаемый план «домика в Коломне»

¹⁴ Кроме Ленинграда (Петербурга) и Москвы, о которых, как увидим, есть лишь исторические данные, такие дома отмечены пока в Устюжне, Боровичах, Валдае, Торжке, Калинин (Твери), Ярославле, Угличе, Суздале, Муроме, Меленках, Кинешме, Плесе, Костроме, Горьком (Нижегород), Казани, Уфе, Самаре, Саратове, Киеве, Ростове-на-Дону. Можно сказать, что они выявляются во всех старых городах, куда проникает исследователь.

¹⁵ Подробно об этой программе см. Рабинович М. Г. Ответы на Программу Русского географического общества как источник для изучения этнографии города // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. V. М., 1971.

¹⁶ Научный архив Географического общества СССР. Разр. 41. Оп. 1. Д. 15. С. 2.

от потребностей семьи. И если в случае, описанном корреспондентом из Кашина, можно предположить, что спальня служила хозяину и хозяйке, дети могли на ночь размещаться в зале, прислуга — в кухне, то в «домике в Коломне», где жила уже неполная семья (без хозяина и малолетних детей), вдова могла занимать больший покой («зал»), дочь — меньший («спальню»), кухарка царила на кухне.

В целом «домик в Коломне» представляется очень близким к кашинскому пятистенку с его тремя окнами по фасаду, сенями, дверью на улицу и крыльцом перед ней (рис. 3). Как помним, из сеней можно было войти в кладовую, кухню или зал («покой» вдовы), а из кухни должна была быть дверь в спальню Параши, что в данной сюжетной ситуации было немаловажно.

Но особенно интересно, что именно к этой планировке точно привязана заключительная сцена поэмы. Обеспокоенная подозрительным поведением кухарки, вдова покинула церковь,

Пришла в лачужку, в кухню посмотрела,—
Мавруши нет. Вдова к себе в покой
Вошла — и что ж?...¹⁷

Застигнутая врасплох «кухарка»

Прыгнула в сени, прямо на крыльцо
Да ну бежать, закрыв себе лицо...¹⁸

Можно себе представить, как вдова, войдя в сени, посмотрела прежде всего через дверь в кухню и, не найдя там кухарки, открыла другую дверь, ведущую из сеней в ее комнату, вошла и, потрясенная, упала тут же возле двери. Судя потому, что «кухарка» оказалась вынужденной перепрыгнуть «через старуху», другой двери в комнате не было.

Все это могло произойти именно при той планировке, которую описывает кашинский корреспондент Географического общества: входящий с улицы попадает в сени-коридор, из которых можно пройти в кухню и в зал, а в спальню проходят через кухню.

Поэт упоминает и детали, тесно связанные с семейным и общественным бытом:

Зимою ставни закрывались рано,
Но летом до ночи отворено
Все было в доме...¹⁹

Ставни сделались необходимыми еще с тех пор, как городской дом стал выходить окнами непосредственно на улицу (а улицы далеко не всегда были спокойны и безопасны, особенно в ночное время). И во времена Пушкина городские улицы встречали прохожего в зависимости от времени суток сплошь закрытыми или открытыми ставнями домов (вспомним хотя бы онегинские строки:

Проснулся утра шум приятный,
Открыты ставни...)

В длинный летний день горожанки любили посидеть в свободное время у окна, наблюдая уличную жизнь. Параша видела всех прохожих и проезжих, и они могли видеть ее, занималась ли девушка хозяйством или мечтала, глядя на луну. Быт петербургской мещанской семьи не был, значит, таким уже замкнутым; дом был тесно связан с жизнью улицы. Об этом говорит и весь сюжет поэмы.

В поэме множество примет конкретного места и времени, штрихов, характеризующих определенный район города, быт старого Петербурга и более широко — городской быт тогдашней России вообще.

¹⁷ Домик в Коломне, строфа XXXV. С. 334.

¹⁸ Там же, строфа XXXVI. С. 335.

¹⁹ Там же, строфа XVIII. С. 32б.

Несколькими сочными штрихами в поэме создана картина «русского богослужения» в церкви Покрова. Автор видит его как часть общественной жизни города.

Казалось бы, откуда взяться в таком скромном районе, каким была Коломна, графине, с которой он сравнивает Парашу? Но если вспомнить, что церковь была в ту пору новой и, по всей вероятности, очень красивой, весьма возможно, что ездить к Покрову было модно и на воскресной службе можно было увидеть не одних жителей Коломны.

Приходская церковь была, если можно так выразиться, и своеобразным районным клубом — местом встреч, знакомств, бесед, обмена новостями, соревнования красавиц, франтов и франтих, выбора невест и женихов. Это характерно для городов вообще с очень давних времен. Еще Домострой — своеобразная энциклопедия русской жизни XVI в. — среди рекомендаций для поведения горожанина уделяет место и церковной службе, наставляя в особенности молодежь, как надо вести себя в церкви: не разговаривать, не переминаться нетерпеливо с ноги на ногу, не глазеть особенно на девиц, а молча внимательно слушать службу, опустив телесные очи долу — тогда сердечные, духовные очи будут устремлены к всевышнему. В XIX в. порядки изменились лишь немного: каждый день в церковь ходили только старики, но по воскресеньям и праздникам — все прихожане. Как уже сказано, мужчины обычно стояли справа, женщины — слева, молодежь — впереди пожилых. Лишь так называемые «благородные», прежде всего дворяне, с толпой не смешивались: дамы стояли у крылоса справа, мужчины — за ними²⁰.

«Новое лицо, появившееся в церкви, — писал корреспондент Географического общества из г. Медыни (б. Калужской губернии), — наделает шишиканья минут на восемь и после сего можно быть уверенным, что этот незнакомец уже всем порядком знаком даже своею родословною и биографиею»²¹.

Так, видимо, и автор поразузнал кое-что о заинтересовавшей его даме — что она графиня, что несчастна и пр.

(Бывало, грешен! все гляжу направо,
Все на нее...²²)

Графиня, как было положено благородным, стояла у крылоса справа, а Параша — слева, и сравнение возникало, должно быть, не только у автора.

Если воскресное богослужение можно было увидеть в любом городе (Пушкин подчеркивает всеобщность этого явления, называя его «русским»), если во всех городах тогдашней России по ночам перекликалась стража, то «гвардейцы черноусы» ездили под окнами преимущественно петербургских девушек, а бой часов, который слышала по ночам Параша²³, доносился, по-видимому, из вполне конкретного места. Часы с боем были на колокольне церкви Николы Морского — поблизости, на Крюковом канале.

Колокольня построена архитектором С. И. Чевакинским в 1756—1758 гг.; она и сейчас смотрится в воды канала и составляет одну из лучших достопримечательностей района и всего города. Коломна была небольшим предместьем, ограниченным Крюковым и Екатерининским (ныне канал Грибоедова) каналами и изгибом Фонтанки перед ее впадением в Большую Неву, и в ночной тишине бой этих часов слышался, вероятно, и у дома Клокачева, где жили Пушкины.

Но вернемся к самому домику вдовы. Пушкин не только описывает его, он сообщает также, что в то время домик доживал свои последние годы (напомним, что поэма написана в 1830 г.), что теперь

²⁰ Рабинович М. Г. Очерки этнографии русского феодального города. С. 142—143.

²¹ Научный архив Геогр. о-ва СССР, разр. 15, оп. 1, д. 29, л. 24—24 об.

²² Домик в Коломне, строфа XXI. С. 329.

²³ Там же, строфа XXV. С. 336.

Лачужки этой нет уж там. На месте
Ее построен трехэтажный дом.
Я вспомнил о старушке, о невесте...
Мне стало грустно: на высокий дом
Глядел я косо. Если в эту пору
Пожар его бы обхватил кругом,
То моему б озлобленному взору
Приятно было пламя²⁴

Лет десять с небольшим спустя В. Г. Белинский писал, что в Москве еще есть такие домики в три окна: «Эти домишки попадают даже на лучших улицах Москвы, между лучшими домами, так же как хорошие дома (т. е. каменные в два и три этажа) попадают в самых отдаленных и плохих улицах между такими домишками»²⁵. В. Г. Белинский — в ту пору уже столичный житель — изменил свое отношение к Москве, которая когда-то так поразила его, юного провинциала. И одним из признаков отсталости Москвы он считал в середине века наличие трех-оконных одноэтажных домов даже на лучших улицах. Возможно, что в Петербурге тогда уже вовсе не было таких домов, а для главных улиц они не были престижны и при Пушкине. Но для провинции — например, для городка Кашина, находившегося в верховьях Волги (статья Белинского появилась в 1845 г., а корреспонденция из Кашина написана в 1848 г.), и для множества других русских городов — это были типичные дома среднего мещанства.

Подобные провинциальные дома описаны и в конце XIX в. «Много видел я на своем веку домов, больших и малых, каменных и деревянных, старых и новых,— писал А. П. Чехов,— но особенно мне врезался в память один дом. Это, впрочем, не дом, а домик. Он мал, в один маленький этаж и в три окна, и ужасно похож на маленькую, горбатую старушку в чепце. Оштукатуренный в белый цвет, с черепичной крышей и ободранной трубой, он весь утонул в зелени шелковиц, акаций и тополей, посаженных дедами и прадедами теперешних хозяев. Эта масса зелени не мешает ему, впрочем, быть городским домиком. Его широкий двор стоит в ряд с другими широкими дворами и входит в состав Московской улицы... Ставни в домике постоянно прикрыты. Окна не открываются...»²⁶ Далее упоминаются внутренние помещения — передняя, зала, гостиная (а не спальня), кухня, кладовая и погреб²⁷. С этим небольшим отличием описанный А. П. Чеховым дом имеет планировку, по-видимому, сходную с той, которая указана в корреспонденции из Кашина и которая обрисовывается А. С. Пушкиным у «Домика в Коломне». Это то же распространенное городское жилище, хотя принадлежит оно дворянам (семье генерала, который сам здесь не живет). Судя по окружающим его посадкам — шелковице, акации, тополям (вероятно, пирамидальным) и по тому, что ставни прикрыты даже днем, по белым оштукатуренным стенам и черепичной крыше²⁸, домик стоит на далеком юге (не в родном ли городе писателя Таганроге?) и построен за два-три поколения до того времени, к которому относится повествование (несколько раньше 1883 г.), т. е. в начале XIX, а может быть, и в конце XVIII в. Он ровесник «домика в Коломне», но в провинции продержался значительно дольше. Теперь таких домов не встретишь ни в Ленинграде, ни в Москве, но в остальных старых русских городах одноэтажные дома с тремя окнами по фасаду и выходящей на улицу дверью встречаются, как сказано, нередко и в наши дни. Размах жилищного строительства позволяет думать, что скоро их вовсе не будет, за исключением тех, которые сохраняют как памятники старины.

²⁴ Домик в Коломне, строфы X—XI. С. 326.

²⁵ Белинский В. Г. Петербург и Москва//Физиология Петербурга. Т. 1. СПб., 1845. С. 37.

²⁶ Чехов А. П. Приданое//Собр. соч.: В 12 т. Т. 2. М., 1954. С. 159.

²⁷ Там же, с. 160—162.

²⁸ Крыши южных русских домов чаще четырехскатные. Возможно, поэтому и не упоминается светелка.

Мы видели, сколько ценных сведений о жизни старого Петербурга — шире — о жизни старого русского города содержится в поэме А. С. Пушкина «Домик в Коломне». Развивая нарочито незначительный ее сюжет, полемизируя со своими литературными (и не только литературными) противниками, демонстрируя высокое мастерство стиховложения, его неповторимое изящество, исключительную свободу пользования сложным размером октавы, поэт представляет себе живую картину жизни Петербурга. Он все время видел своим внутренним взором район города, где жил в юности, дом, где, вероятно, не раз бывал. Он знал и великолепно помнил фасад дома, расположение комнат, привычки и склонности хозяев. Перед ним вставали яркие образы тогдашних знакомых, сцены — порой смешные, порой элегически печальные, но все подернутые романтической дымкой ушедшей юности, которые он наблюдал, бывало, и в церкви, и дома. Не будучи существенно важными для поставленных им задач литературной полемики, все это составляло тот фон, который немало способствовал убедительности его основных доводов и положений.

Именно этот фон, увиденные поэтом черты городской жизни и делают «Домик в Коломне» важным источником по истории и этнографии города.

В чем-то источник этот уникален. Не будь поэмы, мы не узнали бы, например, что в Петербурге были в конце XVIII — начале XIX в. типичные для мещанства других русских городов трехконные домики с выходом непосредственно на улицу; сообщения других источников относятся к середине XIX в., причем именно о Петербурге таких сведений нет: известно, что на разосланную в 1848 г. Программу Географического общества из столичных городов — Петербурга и Москвы ответов не поступило; в изобразительных источниках нам также не встретилось такого петербургского дома.

Другие сведения, которые можно почерпнуть из поэмы, перекликаются с материалами иных источников и показывают общность, широкое распространение многих явлений народной культуры, общественного и семейного быта русских горожан. Мы видим и общественную жизнь квартала с обязательным воскресным посещением приходской церкви, с монотонной перекличкой ночной стражи, с полицейской будкой и боем часов на ближайшей колокольне, и частную жизнь семьи с ее внешними связями и внутренними взаимоотношениями, со своеобразной моралью, и манеру одеваться, и главные черты питания, и даже любимые книги и песни. Многие сведения относятся не только к Петербургу, но к русской народной культуре в целом.

* * *

В заключение хочется обратить внимание еще на одно обстоятельство, на первый взгляд, не имеющее прямого отношения к нашей теме.

Дело в том, что имеются два рисунка А. С. Пушкина к «Дому в Коломне». Они оказались на обороте переписанных набело листов текста поэмы²⁹. Один изображает Маврушу, другой — сцену прихода вдовы. Так вот, этот второй рисунок не только не соответствует тексту, но изображает ситуацию совершенно иную, чем та, о которой мы говорили выше: вдова видит «кухарку» через окно, у которого та расположилась с зеркальцем и бритвой. Сцену спокойно наблюдает кот Васыка (рис. 4).

Но в тексте поэмы говорится, что вдова *вошла* к себе в покой³⁰ и только тогда увидела «кухарку». Можно предположить, что рисунок отражает искания поэта, который не сразу остановился на определенном решении этой мизансцены, а обдумывал различные варианты появления вдовы и, великолепно владея рисунком, сделал, как это часто бывало, набросок одного из них. Вариант этот был, по-видимому, все

²⁹ Рисунки поэта/Абрам Эфрос. М., 1933. С. 315, 317, 433—435.

³⁰ Домик в Коломне, строфа XXXV. С. 334.

Рис. 4. Рисунок А. С. Пушкина

же отброшен, и современный текст является окончательным. Как мы показали, он и соответствует реальной обстановке дома.

Думается, что факт расположения рисунка на обороте текста отнюдь не говорит о том, что рисунки выполнены позже, чем текст. Скорее не рисунки помещены на обороте белового текста (это было бы даже странно), а текст переписывался набело на той бумаге, где уже были рисунки (конечно, на обратной ее стороне).